

Всеобщая любовь тувинцев к шахматам настолько сильна, что родители иногда дают имена своим детям название любимой народной игры, т. е. Шыдыраа (в пер. с тув. «шахматы»). Например, имя известного в Тыве кузнеца, мастера на все руки тоже называлась именно так, Ооржак Шыдыраа Хыйыр-оолович.

Шахматы и все что с ними связано, получило среди тувинцев особую популярность, что отразилось в их искусстве, фольклоре, этнонимии и повседневной жизни.

Источники и литература:

1. Кон Ф. Я. За пятьдесят лет / Ф. Я. Кон // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX–начало XX века) / подг. текстов, предисл. и комм. А. К. Кужугет. – Кызыл : Тувинское книжное изд-во, 2002. – С. 69-108.
2. Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы / С. И. Вайнштейн. – М. : Наука, 1974. – 223 с.
3. Самбу И. У. Тувинские народные игры. Историко-этнографический очерк / И. У. Самбу. – Кызыл : Тувкнигоиздат, 1978. – 140 с.
4. Вайнштейн С. И. Загадочная Тува / С. И. Вайнштейн. – М. : Изд-во ООО «Домашняя газета», 2009. – 415 с.
5. Ховалыг У. Т. Шахматы в Тыве / У. Т. Ховалыг // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2010. – Т. IX. – Вып. 5 : Археология и этнография. – С. 199-203.
6. Тыва улустуң тоолдары / ред. С. А. Сарыг-оол. – Кызыл : Тыва областың ном үндүрер чери, 1947. – 338 а. – на тув. яз.
7. Фирдоуси А.-К. Туси. Гав и Талханд (рассказ о происхождении шахмат) / Абу-ль-Касим Фирдоуси // Избранные переводы / М. М. Дьяконов, И. М. Дьяконов. – М. : Гл. ред. восточной лит-ры «Наука», 1985. – С. 88-134.
8. Бируни Абу Рейхан. Индия / Бируни Абу Рейхан; пер. с араб.: А. Б. Халидова, Ю. Н. Завадского. – Репринт с изд. 1963 г. – М. : Ладомир, 1995. – 727 с.

Кальбиев Хашым

УДК 908

РУДИМЕНТЫ ДРЕВНИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА АЗЕРБАЙДЖАНА

Постановка проблемы. Пережитки древних религиозных обрядов существуют в нашем быту и сегодня. Изучая эти проблемы, можно понять как историю нашего народа, так и древний уклад и образ его жизни. Этой теме посвящены статьи А. Алекперова, И. Джафарзаде, З. Ямпольского. Кроме того, данной проблеме посвящены научные исследования Г. Кулиева и А. Бахтиярова. В работах по азербайджанской археологии и этнографии приводятся сведения археологов М. Гусейнова, И. Нариманова, Р. Гёюшова, Г. Исмаилзаде, этнографов Г. Гейбуллаева, А. Мустафаева, Г. Джавадова, Г. Халилова, лингвиста М.Мамедова и других. Однако данная тема так и не была детально разработана на основе материалов юго-восточного региона республики, осталось много нераскрытых и интересных страниц.

Наша **цель** заключается в том, чтобы исследовать все еще существующие в наши дни пережитки древних религиозных обрядов в нашей жизни, изучить их корни и предоставить этнологической науке более ценные материалы об этногенезе нашего народа. Исследование появления в самые древние времена ряда религиозных обрядов в южной части Азербайджана, большая часть населения которой была полностью оседлой, позволит доказать, что население, проживавшее на этой территории, уже на заре человечества обладало большой культурой.

Прежде чем говорить о пережитках древних религиозных обрядов в нашей жизни, необходимо отметить, что корни религии приходятся на период верхнего палеолита первобытнообщинного строя, когда природные явления заставили человека мыслить. Французский этнограф Дж. Морган, назвав первобытнообщинный строй периодом варварства, разделил его на 2 периода. Автор относит первобытность к периоду присвоения людьми, занимающимися охотой, готовых даров природы, а варварство – к периоду зарождения скотоводства и земледелия [1, 8]. По Дж. Моргану, культурный период начинается с приходом классового общества. Во всех 3 случаях в доказательстве идей в принципе разделения за основу было взято развитие материальной культуры. Что касается истории религии, надо прямо сказать, что религия есть надстройка первобытнообщинного строя (верхнего палеолита). Безусловно, чтобы не дать разгореться длительной полемике, историю религии важно разделить на религии доклассового общества и религии классового общества, отмечая при этом, что религиозные пережитки обоих периодов до сих пор присутствуют в жизненном укладе населения юго-восточного региона Азербайджана.

Руководствуясь принципом разделения пережитков древних религиозных обрядов в нашей современной жизни, можно выделить такие пережитки:

- 1) пережитки поклонения древним пещерам – месту обитания;
- 2) пережитки поклонения камням, воде, деревьям, огню;
- 3) пережитки поклонения животным, духам и похоронным обрядам;
- 4) поклонение небесным телам.

Эти верования имеют большое значение и для сегодняшнего развитого человека. Поскольку религиозные пережитки, на первый взгляд выглядящие простыми и примитивными, при наличии веры

могут создать и у обладающего абстрактным мышлением человека новшества. Самое малое, терпение и надежда дают человеку возможность жить, принуждают его отказаться от приостановления деятельности.

Доказательство существования памятников периода палеолита в различных регионах Азербайджана нашими археологами, в том числе и профессором И. Наримановым в описываемом нами месте (газета «Эльм» («Наука») (на азерб. языке), август, 1990 г), способствуют предположению о наличии в этом регионе поклонения пещерам и местам обитания. В пещерах люди были защищены от жары, холода, диких животных, позднее в пещерах хранили от дождя и ветра столь важный для них огонь. Признание священности огня в нашем регионе по сей день, и использование выражений вроде «Клянусь огнем этого очага» (*Bə otəşi çəş*) и «Да посмотрю на этот очаг слепым» (*ə otəşi ku diəkəm*) в трудную минуту, взятие головешки из очага во время загадывания желания при приготовлении «*Səməni*» (пророщенные зерна пшеницы) связано не только с распространением в I тысячелетии до н.э зороастризма, но и порождено тем, что с самых древних пор огонь был источником жизни для человека.

И сегодня в жизненном укладе жителей региона существует ряд народных игр, клятв, связанных с поклонением пещерам, анализ которых доказывает, что поклонение пещерам, местам обитания играли большую роль для древнего талышского населения.

Например: игра «*kona-kona*», в которую до недавнего времени играли дети и подростки, продлила жизнь поклонению пещерному проживанию. Так, у каждого из 2 и более играющих в эту игру бывает определенное число камней, они забрасываются в определенном количестве разом в раскопанную в земле на определенном расстоянии яму или же в специально сделанную в стене выемку. Не попавшие в яму или выемку камни переходят к очередному игроку, вступившему в игру после броска. Любопытно то, что для попадания всех камней в углубления, эти углубления упрашивают. Это явление свидетельствует о том, что не пришедший в пещеру, оставшийся снаружи первобытный человек может стать пищей хищников. Как камню, попавшему в углубление и оставшемуся у хозяина, человеку для жизни необходимо попасть, спрятаться в пещеру [1, 2].

Известно, что и сейчас при входе в пещеру Мондига (Мондига или же Монидижо), находящейся на территории Лерикского района, существует обычай бросания камней. Это вытекает из веры в пещеру. Бросающий камень загадывает, что он спасется от надвигающихся бед так же, как и защитившийся в пещере камень. Кроме этого, и сегодня в высокогорных селах региона в языке пожилых людей существует клятва «*Bə tıbə*». Здесь «*tıbə*» подразумевает могилу, пещеру, дом. А выражение «*bə*», выражая значение «тот», подразумевает клятву «тем домом», «тем очагом». Талышских горах есть в большинстве своем даже не зафиксированные пещеры, являющиеся первичными местами проживания. Расположение подобных мест обитания и в Талыше служит доказательством выбора в качестве первого места проживания человека гор с естественной защитой.

Как и во всем Азербайджане, и в Талышском регионе до сих пор остались пережитки древних религиозных обрядов, связанных с некоторыми вещами, животными, растениями и другими факторами, большинство из которых связаны, преимущественно, с заклинательством. В заклинательстве все события объясняются как следствие внешних сил природы, и до сих пор существует вера в возможность воздействия человека с помощью определенных средств на внешние силы природы. Именно поэтому у талышей считается возможным с помощью вращения «*Duk*» (*duktonə, qordone*) определить, под воздействием каких сил находится больной, слабый человек. Если палочка «*Duk*» во время загадывания силы стоит вровень с камнем «*Duk*», значит, навредила эта загаданная сила. Для устранения вреда делаются определенные приношения в священные места. Изготовление палочки «*Duk*» из считающимися священными в регионе *Şimşar* (*şimşor*), дуба (*bələl*) и *azat* (*nil*), а также регулирование стойки палочки камнем «*Duk*», вызвано поклонением вышеназванным деревьям, а также и камням. Это явление представляет собой явление, существовавшее задолго до всех монотеистических религий. Кроме этого, бросается мука во все 4 угла дома, где лежит одержимый плохой силой больной, и по картинам, образованным прилипшими к стене крупинками, определяется, под воздействием какого животного, дерева, горы находится больной. Выполняющее обряд лицо выбрасыванием оставшейся в ладони муки наружу прерывает это воздействие. Данный обряд является наглядным примером поклонения древних жителей региона муке, растению, и доказывает, что тамошнее население с самых древних времен было оседлым, занималось земледелием.

В регионе, преимущественно являющемся субтропическим, как известно, выпадает много осадков и для уменьшения влажности велика потребность в солнце. В силу этого появился обряд «Призыва Солнца», связи которого с каким-либо единобожием нет, и которое появилось задолго до подобных религий.

Если в Мильской степи, Мугани и Карабахе во время обряда «Призыва дождя», привязав к сохе вдов, распахивали вверх по реке высохшее русло [1], в Талыше, в «Призыве Солнца», выведя маленьких детей квартала (будто бы Солнце проявляло к малышам больше милосердия) во двор, заставляли их петь песню:

Həşi beşi, Həşi beşi
Mısqon çətə nünəlökə harde.
 (Солнце, выйди, Солнце, выйди,
 Муравьи в лотке съели наш хлеб)

или же если в мае, июне шли сильные дожди, мужчины, взяв лопатки, начинали распахивать двор, чтобы пристыдить Солнце (то есть земля размягчилась как зимой, мы начали пахоту)

Указанный выше обряд «Призыва Солнца» относится, преимущественно, к равнинной части Талыша. Существуют обряды призыва дождя и в горной территории региона. Например, в селе Вери Лерикского района, когда не идет дождь, положив в реку священный камень из священного очага возле древнего

кладбища, надеются на выпадение дождя. (Это явление наблюдали 3 июля 1995 года, будучи в селе Вери. Несмотря на палящее солнце, один из пожилых жителей села сказал: «Мы положили камень в реку, после обеда пойдет дождь». И, действительно, после обеда, примерно в 3 часа по полудни, небо вдруг покрыли черные тучи, и пошел такой проливной дождь, что сельская река вышла из своих берегов). Этот обряд представляет собой результат веры людей в священные места, камни, реки, воду.

А для прекращения сильных ветров, дующих весной и осенью, последышей семей принуждают наносить в землю топором насечки с тем, чтобы ветер был укрощен, уйдя через насечки в недра земли. Если в этом обряде нанесение насечек на землю последышем создает веру в прекращение ветра, по аналогии с прекращением прироста потомства самим последышем, с другой стороны, забивание в землю железного топора, вескость железа, доказывает существование обряда веры в железо и наши дни. Понятие железа здесь доказывает, что в этой зоне производилось железо, и у людей, в силу острой потребности в железных инструментах, возникла вера в железо.

В Тальше для заклинания того, кого сглазили, оборачивают вокруг его головы щепотку соли, притрагиваются к его лопатке, касаются области живота у его отца, упоминая при этом имя матери, словно указывают дурному глазу (духу), что у этого человека есть владелец (отец, мать), мол, отстань от него.

Если обряд выполняют матери, в этом случае произносят:

Çamə kiyə siyo xok, iyəm bibəri livə

Ki bətiş çəşiş cə, bəci çəş bubu tiyə.

(Зола нашего очага, а еще перца лист,

Кто дитю моему подмигнул, тому в глаз перца лист).

Здесь выражается горечь вкуса перца, страх дурного глаза перед горьким перцем и священность листьев перца. В первом же варианте выражается священность очага, огня, способность огня все сжигать, слезоточивость горечи перца, что представляет собой явление, вытекающее из древних верований. Еще одно заклинание заключается в том, что высказывается правда в лицо виновному, потом, указав, что у высказавшегося тяжелое дыхание, виновный заговаривается проклятием. Заговоренное лицо пугается и контролирует свои последующие поступки, на него действует каждое отрицательное событие и, чтобы выйти из-под действия заговора, бывает вынужден признать свою вину перед тем, перед кем был виновен. Отсюда ясна видна священность «слова» - «*kəlam*». После священность «*kəlam*» переходит и в Ислам, и чтобы спасти людей, попавших под воздействие, написанную «молитву» (магическое слово) либо нашивают на одежду человека, либо дают выпить вместе с водой. При этом в связи со священностью слова проясняется и священность воды. Священность воды проявляется и в том, как внезапно вздрогнувшему или испугавшемуся человеку для преодоления страха дают выпить холодную воду.

Укладыванием на рот покойника горсти земли во время погребального обряда, относящегося к Исламу, сопровождающегося словами «Придя из земли, в землю же возвращаешься! Не наелся в этом брэнном мире, насыться в вечном мире горстью земли», будто бы заговаривается дух умершего человека, чтобы он не завидовал оставшимся в этом мире.

Сильная вера в камень как в заклинательстве, так и в пережитках поклонения, доказывает возникновение в регионе религиозных представлений с палеолита первобытного периода. У людей, убивающих диких животных камнем, разбивающих найденное камнем, режущих камнем, чешущих камнем, шьющих камнем, и сегодня существует ношение камня, клятва камню. Например, ношение видными людьми амулета, первичная форма которого была из камня, тому пример. (Амулет был привязан даже к дойной корове, маслобойке). Другой пример: клятва жерновому камню имеющемуся в большинстве домов региона, восходит к вере в камень. Поскольку в этом жернове люди, перемалывая зерно, удовлетворяли свои потребности еще с древних периодов. Кроме этого, клятва священному очагу, а часто и камню очага (могильному камню) (*bə tibə siğ*) осталось со времен поклонения камню. В Баку, на месте, где обмывают умершего, кладут черный камень с тем, чтобы душа умершего перешла в него, а потом этот камень выбрасывается на кладбище [1, 31].

В Тальше, в месте, где совершается обмывание умершего в течение 3 или 7 дней зажигают факел, будто бы для того, чтобы душу, пролившуюся на это место, не унес «черный див», или же на этом месте строится *osaq, tüərbə* - надгробие чтобы душа приютилась там и это место превращается в священный очаг (например, священные очаги Алибалы, Мирфаила в селе Шилавар Ленкораньского района, священный очаг «Черная печаль» в Сютемурдове, «*Bobo Rəsul*» в селе Хамушам Астаринского района, «*Bobo Misi*» в селе Сияку, «Шейх Насрулла» в селе Пеликеш и др. В каждом селе региона можно привести в пример подобный очаг).

Если в Физулинской и Джабраильской зонах «камнебросание» есть символ, направленный против человека, отверженного, в Тальше «выбрось камни с подола» - сбрасывание камней из подола, отход одного лица от ненависти к другому. В обоих случаях отображается способность камня ударить, его тяжесть. В древних эпосах присутствуют идеи о превращении в камень при совершении человеком большого числа грехов. В Тальше существуют версии о том, будто бы сказавшие недостойные слова о священных местах превращаются в камень (Это поверье выражается и в существовании цельного камня, похожего на памятник молодой замужней женщине, в священном очаге шейха Назара в лесу повыше села Хавзава Лерикского района). Будто бы, не умея осилить трудную дорогу к священному очагу, некая молодая замужняя женщина, сказав недостойные слова в адрес священного очага шейха Назара, сефевидского мюрида, превратилась в камень. Во многих местах региона и сейчас имеются предания о превращении людей, животных и птиц в камень. До XIX века для защиты домов и живущих в этих домах людей от злых сил перед каждым домом ставили уплощенные сверху камни примерно 50-60 см диаметром.

В последствии эти камни стали носителям веры в камень поколений, что само по себе также является признаком поклонения камню.

Выводы. Таким образом, в описываемом нами регионе пережитки древних доисламских религиозных обрядов сохраняются и сейчас. Они играют при этом немаловажную роль в обычаях и традициях населения. Пережитки древних религиозных ритуалов играют важную роль в ознакомлении молодежи компьютерного века со своим национальным менталитетом и осознании национальной самобытности.

Источники и литература:

1. Кулиев Г. А. Древние религиозные ритуалы в Азербайджане и их пережитки в быту / Г. А. Кулиев, А. С. Бахтияров. – Баку, 1968. – на азерб. яз.
2. Нариманов И. Археологические памятники Гянджачайского района / И. Нариманов. – Баку, 1958. – на азерб. яз.
3. Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений / С. М. Казиев. – Баку, 1960. – на азерб. яз.
4. Казиев С. М. Два кувшинных и два котокмбных погребений / С. М. Казиев // Материальная культура Азербайджана. – 1978. – Т. III. – на азерб. яз.
5. Тахмасиб М. Г. Образ дива в азербайджанской народной литературе / М. Г. Тахмасиб // За Родину : журнал. – 1946. – № 1. – С. 79-93. – на азерб. яз.

Информаторы:

1. Житель села Холмили Ленкораньского района Хилал Иманов, 1908 г.р.
2. Житель села Сиявар Ленкораньского района Муртуза Сеидага оглы Садыгов, 1923 г.р.
3. Житель села Чайруд Лерикского района Фазиль Азим оглы Рзаев 1923 г.р.
4. Житель села Чайруд Лерикского района Ханахмед Алмасов, 1925 г.р. и др.

Sadykova Raihan Onalbaevna

УДК 94+327.5

JAPAN'S FOREIGN POLICY DOCTRINES FROM THE "COLD WAR" PERIOD

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ ЯПОНИИ ПОСЛЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Данная статья посвящена изучению внешнеполитических доктрин Японии после второй мировой войны. В статье уделяется большое внимание содержанию таких доктрин как "Доктрина Есида" и т.д.

Formulation of the problem. The period after the Second World War characterized by the changing the world order. The bipolar system of international relations dictated the new rules of conducting the states foreign policy. In conditions of the Cold War between the USA and USSR other states had to change the foreign policy doctrines. Among of them was Japan which began to strengthen the relations with USA.

The essence of the post-war Japanese foreign policy doctrine was reduced to the simple formula - reception the USA guarantees of security in exchange for granting of the territory by Japan for the American military bases. The big contribution to the development and realization of this concept was brought by the outstanding Japanese politician of those years Yoshida Shigeru, known to histories with his «Yoshida Doctrine» [1].

Yoshida Shigeru is a prime-minister of Japan and the Chairman of the Liberal Party of Japan in 1946-1954 years. The doctrine formulated by Yoshida defined the main directions of Japan's foreign policy after the Second World War period. A pragmatic policy known as the "Yoshida Doctrine" ultimately prevailed, which called for Japan to focus on economic development and rely primarily on the cooperation with the United States in military sphere.

After Japan's defeat in World War II, public opinion turned against its past militarism. As the only country which suffered from nuclear attacks, Japan developed a strong "nuclear allergy" that impeded open discussions of security issues in general and nuclear weapons in particular. The post-war Japanese Constitution, drafted under the American occupation government, placed strict limits on Japanese military capabilities. Article 9 of the constitution bars Japan from threatening the use of force as a "means of settling international disputes" and from maintaining a "war potential." Ironically, shortly after Japan adopted the constitution in 1947, Washington began to pressure Tokyo to reinterpret Article 9 in ways that would expand Japan's ability to help defend itself against the Soviet Union and communist expansion in the region.

Prime Minister Yoshida did not accept U.S. demands, arguing that Japan could not afford increased defense expenditures. Pro-military factions disagreed, viewing U.S. pressure as an opportunity to establish an autonomous and more independent Japanese defence capability. A pragmatic policy known as the "Yoshida Doctrine" ultimately prevailed, which called for Japan to focus on economic development and rely primarily on the United States for defence.

Yoshida doctrine has defined the main direction of a post-war policy of national security of Japan, providing accelerated economic development, sharp restriction of military charges and the close union with the USA. It was the doctrine of economic nationalism (practical nationalism) which basic purpose was the development of the Japanese economics under the American nuclear umbrella. Yoshida doctrine incorporated all components of a classical variant of the doctrine of security: economic, political and the military. The military component was